

Церковнославянский или украинский: менять ли Церкви язык богослужения?

Церковнославянский язык – это тысячелетнее выражение богослужебной практики нашей Украинской Православной Церкви.

Жизненный подвиг святых братьев Кирилла и Мефодия увенчался феноменальным успехом: их трудами Священное Писание было переведено на славянский язык, ими был основан перевод богослужебных книг, а созданные ими алфавит и стилистически-грамматический комплекс сформировали платформу для развития литературных языков всех славянских народов. На этой же платформе, пережив целый ряд испытаний и проблемных видоизменений, был сформирован язык богослужения нашей Украинской Православной Церкви – церковнославянский язык.

Сейчас Церкви предъявляют множество претензий в отношении языка богослужения. Одни утверждают, что службы на «чужом» языке – это ущемление украинских национальных интересов; ... другие уверены, что каждый народ должен молиться на своем языке, и когда мы этого добьемся, только тогда будем независимы от Московского Патриархата; третьи считают, что только богослужения на украинском приведут к полному пониманию храмового богослужения обычным украинцем ...

Славянский алфавит создали святые Кирилл и Мефодий – это истина, которую знают все еще со школьной парты ... Наша азбука не возникла спонтанно в ходе истории, ее не изобретали ... для ликвидации проблем неграмотности. Святые Кирилл и Мефодий в рамках славянской фонетики искусственно создали знаковую (алфавит), грамматическую и стилистическую системы для одной конкретной цели – для перевода Священного Писания и богослужебных книг на славянский язык. Они были миссионерами и создали церковнославянскую грамматику для того, чтобы донести до славянских народов Слово Божие.

Священное Писание и церковную литературу они (и их ученики) переводили с греческого, поэтому целесообразно дать хотя бы поверхностную характеристику греческому оригиналу. Греческий язык является одним из самых развитых и самых выразительных в мире. Он относится к так называемым синтетическим языкам, где средствами формообразования и связи слов являются флексии – окончания, которые в сочетании с разветвленной системой склонения позволяют иметь свободный порядок слов в предложении и подчинять его логическому выражению.

Современный новогреческий язык формировался с начала XVIII в., а в древнегреческом двухтысячелетней давности очень четко различались литературная норма – аттический диалект (аттика) – и общеразговорный – койне (от греческого *οἴνη* – общая). Эпоха койне продолжалась от времени завоеваний Александра Македонского по V-й век нашей эры, то есть почти восемьсот лет. Именно в этот период и на этом языке были написаны новозаветный канон, Септуагинта – перевод Ветхого Завета 273 гг. до Р. Х. и

основная часть богослужебных текстов. Греческий оригинал Нового Завета и богослужения койне можно сравнить с научной прозой – правдиво, обоснованно, доходчиво, в простых и красивых формах торжественной ритмики евангелисты, апостолы, отцы и учителя Церкви преподавали открытое им свидетельство о Боге; богословы на протяжении веков языком койне (все Вселенские соборы первого тысячелетия проходили в языково-культурной среде Византии) шлифовали догматические определения; священники, монахи и миряне воплощали все это в храмовое богослужение и личную молитвенную практику.

Перед святыми Кириллом и Мефодием стоял, казалось, непреодолимый барьер: перевести это богатство для славянских народов, не имевших ни письменности, ни какого-либо философско-догматического понятия или определения. Святые братья решили эту проблему в высшей степени оригинально: воспроизводя славянскую фонетику, они частично заимствовали из койне, а частично искусственно создали грамматические, синтаксические и стилистические формы для своего перевода. Обратите особое внимание: Кирилл и Мефодий не «создавали язык» и не брали за основу болгарский – язык и даже отдельные виды письма, согласно гипотезам, у славян уже были. Они создавали языковые формы для своего перевода, то есть церковнославянский язык был искусственно создан для перевода Библии и богослужебных книг, а уже потом на протяжении многих веков славянские народы брали из этой церковнославянской сокровищницы нормы своих книжных языков.

В церковнославянский язык вошли:

- Без перевода все слова, связанные с Церковью, богослужением и догматическо-философскими определениями – оригинал койне и несколько десятков латинизмов и семитизмов только читались в славянской транскрипции, например: евангелие, патриарх, икона, монах, иерей и т.д.;
- Для всех сложных слов, которыми так богат койне и каким вообще не было аналога в древних славянских языках, Кирилл и Мефодий искусственно создали так называемые слова-кальки, например: *meta* (пере) + *morphe* (форма) = Преображение;
- Слова, которые использовались для проповеди основ веры, были взяты из общеславянского корня, например: Троица, вера, терпение;
- Порядок слов в предложении святые братья ввели в соответствии с греческим оригиналом, а не разговорным древнерусским диалектом.

Таким образом, следует осознать: церковнославянский язык – это искусственно созданная форма передачи церковного наследия на славянскую почву. Он не вырос ни из разговорного, ни из литературного диалекта, он никогда не был достоянием одного народа, который бы навязывал его всем остальным. Он стал языком воцерковления всех славян.

Шли века. Из древнеславянского корня выростали языки отдельных славянских народов, которые отличались между собой и степенью сохранения общего языкового корня, и уровнем собственного развития, и степенью податливости иноязычным влияниям. В частности, с XI-XII веков уже намечается тенденция к образованию украинского* и русского языков.

**В памятниках киевского, шире южнорусского происхождения исследователи фиксируют типичные черты украинского языка в Изборниках Святослава 1073 и 1076 годов, «Русской Правде», Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, Остромировом Евангелии (1056—105) Глеба, Галицкому Евангелию 1144 года, «Слову о полку Игореве», «Слове о законе и благодати» Иллариона. (Примеч. ред.)*

Формирование диалектных особенностей украинского языка четко прослеживается (также) во второй половине XII в. Так, в Добриловом Евангелии 1164 года (Волынь) уже появляется украинское «І» – есть слова «камінъ», «шість». С XIII в. производятся украинские «Й» и «І». С XV в. здесь значительно больше, чем на севере развивается книгопечатание – если Ивана Федорова прогнали из Москвы, то во Львове приняли и в середине XV в. в Украине уже четыре типографии – во Львове, Вильно, Остроге и Киеве ... Формирование русского языка проходило на базе т. н. «московского говора» – синтеза древнерусской и финно-угорской групп – который в сочетании с церковнославянской грамматической основой под влиянием южного руського** (украинского языка) эволюционировал в русский литературный язык ...

***До середины XIX века основным названием языка, который теперь называется украинским, было выражение «руська мова». Это начало вносить путаницу с момента присоединения Украины к Московскому царству и впоследствии Российской империи, поскольку россияне в XVIII веке стали обозначать свой язык схожим прилагательным (рус. дореф. русский языкъ). После определенного времени колебаний, во время которого язык Украины пытались отличать от российского с помощью разных названий, термин «українська мова» наконец победил на всех украинских землях. (Примеч. ред.)*

Формирование русского языка вплоть до XVIII века находилось под прямым филологическим влиянием украинского. Проф. Огиенко (будущий митрополит Иларион) четко определяет: «С момента присоединения Украины к Московскому государству украинцы потянулись в Москву ... и понесли с собой свой литературный язык... Литературный московский язык творили в значительной степени наши украинцы, которые тогда были везде по Москве...» (Огиенко И. Украинская культура. Киев, 1918).

Лишь во второй половине XIX в. украинский язык стал предметом русских великоимперских посягательств (Валуевский указ 20 июня 1863 г. и императорский 18 мая 1886 г.), но в филологическом аспекте именно украинский язык влиял на процесс формирования русского, а не наоборот.

И возвращаемся к церковнославянскому. Несмотря на политические моменты, и украинский, и русский языки характеризовались одним уникальным феноменом: на протяжении всей их тысячелетней истории, и в украинском, и в русском церковнославянский язык занимал нишу так называемого «высокого стиля». Обратите особое внимание на этот феномен: церковнославянский язык не замыкался рамками церкви и «непонятным» богослужением, не отчуждался, не отмирал, наоборот – и в русском, и в украинском он почти девять (!) веков был языком культуры, книги, официальной переписки и государственно-актовой документации. Такую языковую ситуацию на Руси ученые характеризуют термином «диглоссия». Кроме этого, наши предки и украинской, и русской народности все время расценивали церковнославянский язык как средство выражения богодухновенной правды, как средство передачи божественного начала. Например, Иван Вышенский утверждал, что «на церковнославянском даже врать невозможно».

Таким образом, на первую группу вопросов – как возник и насколько чужим ... был церковнославянский язык – мы можем дать однозначный ответ:

1. Церковнославянский язык был искусственно создан для переноса Слова Божьего на славянскую почву и соединил в себе лучшие достижения византийской догматическо-философской мысли и культуры с достижениями славянских народов,

2. Церковнославянский язык ни для кого не был ни разговорным, ни своим, ни чужим ... – в течение всей тысячелетней истории (до XIX в.) и в украинском, и в русском он выполнял функцию языка «высокого стиля»; ...

Сам по себе процесс перевода на любой язык не несет ничего антицерковного, наоборот – Священное Писание свидетельствует, что в день Пятидесятницы были освящены языки всех народов, и каждый славил Бога «своим языком, в нем же родихомся» (Деян., 2,7-11) ...

Безусловно, молиться можно на любом языке, молиться можно и без слов. Можно молиться на украинском (и наша Церковь санкционирует такую возможность для индивидуальной молитвы, и в тех общинах, где более двух третей прихожан желают богослужения на украинском языке) – но такая теоретическая возможность не определяет собой целесообразности и необходимости перевода всего богослужебного достояния ...

В основе их попыток лежит (может ими и не осознаваемая) семиотическая теория швейцарского протестанта Ф. де Соссюра об условности (конвенциональности) языковых знаков. Согласно этой теории, тот или иной язык безотносительно к духовности и мышлению, является, образно говоря, внешней словесной одеждой, которую можно менять как угодно.

В отличие от семиотики православная теория утверждает онтологический статус языка – «Бог бе Слово» (Ин. 1,1). То есть отдельные человеческие языки являются своеобразными выразителями и ретрансляторами божественных энергий, являются средой, в которой происходит встреча человека с Богом. Исторически по Промыслу Божию сложилось так, что в нашей Православной Церкви такой средой богообщения уже тысячу лет является церковнославянский язык.

Православная Церковь не канонизировала славянский текст, не предоставляла ему статус сакрального и тем более не устанавливала монополию на какую-то фанатичную преданность эталону святых Кирилла и Мефодия, но мы сами должны осознавать: язык, который тысячу лет нашей истории в абсолютной полноте выражал нам Богооткровенную истину, является для нас священным. Православные богословы даже называют церковнославянский словесной иконой – как через линии, краски и изображение иконы, так через свои языковые средства, отсекая все мирское, церковнославянский язык возводит нас к уникально возвышенным и чистым формам Богообщения.

Церковнославянский язык освятился многовековым богослужebным использованием, его звуки, не возбуждая никаких греховных и бытовых аналогий настоящего, сами собой возводят наши чувства к Богу и именно этим, отличным от сегодняшнего языка архаизмом звучания, оберегают душу верующего человека. Сам священный характер этого языка оберегает душу от соблазнов мира и концентрирует ее в молитве, в то время как любые современные переводы богослужения – или украинский, или русский – профанируют священный характер богослужения и тянут его вниз – к серенькой жизненной рутине ...

А нельзя ли будет все эти эпитеты отнести к украинскому языку, может и он когда-нибудь станет таким уникальным средством выражения Божественных истин? Может и станет – этого мы не знаем. Но должны осознавать другое: в мире ничего не происходит само по себе. Божий Промысел – направляющая человека к добру Божья Сила – управляет тем, что мы называем историей.

Согласно этому Промыслу Божию, церковнославянский язык уже тысячу лет является языком нашего богослужения и в уникальной чистоте и полноте передает нам истины христианства.

Хотя и представители нескольких конфессий уже осуществляют богослужения на украинском языке ... но в настоящее время никто в Украине не подступался к филологическим проблемам перевода богослужения и библейских текстов ...

Одни служат по-славянски с «галицким» акцентом (Побідную піснь поюще, вопіюще...), другие часть предложения заменяют украинизмами, а богословские термины искривляют в собственных транскрипциях (ще раз і ще раз миром Господу помолимося) ...

Непонятность православного богослужения – это надуманный религиозно-потребительский миф, а не проблема. И «непонятность» православного богослужения определяется не барьером церковнославянского языка, а уровнем воцерковления самого человека.

Церковность – это образ жизни. В отличие от тех, которые живут по-христиански и выражают свою веру в богослужении, есть другая категория людей, которую в околицерковных кругах иронично, но очень точно называют «захожанами». Эти люди не имеют никаких знаний в области религии, не молятся, не постятся, не живут по-христиански – они просто «заходят» в храм и хотят, чтобы все сразу было понятно ...

Нужно начинать жить по-христиански, молиться, приобретать литургические, догматические, исторические знания – тогда это все можно выражать в богослужении, а когда этой собственной церковности нет – просто нечего выразить и ни один язык здесь не поможет.

Наглядным примером профанации церковности в угоду потребительской «понятности» может служить богослужебная реформа Римско-Католической церкви 1969 г. II-й Ватиканский собор санкционировал перевод традиционной латинской мессы на национальные языки. Но вместо ожидаемого массового наплыва неофитов в «полностью понятные» костелы эффект получился обратный. Значительная часть католиков почувствовали потерю сакрального молитвенного характера богослужения, отказ от намоленной веками латыни отверг значительную часть прихожан. Часть духовенства во главе с архиепископом Марселем Лефевром также не приняли языковой реформы. Вместо воцерковления началась секуляризация Церкви – богослужебный модернизм привел к тому, что мессы могут совершаться под гитару, в рок-ритмах. И за такую большую жертву освященных веками традиций неофиты, ради которых все задумывалось, платят католицизму пустыми костелами и откровенно циничным антиклерикализмом.

Выводы:

- Перевод богослужения – это не просто замена одной системы языковых знаков и правил на другую, это – изменение смысла, который в данном случае может привести к профанации богослужения.
- Поверхностная понятность богослужения для неофитов не идет ни в какое сравнение с тем вредом, который богослужебный модернизм нанесет общецерковным позициям.
- Все примеры богослужебного модернизма не дают позитивного результата (такая замена не будет способствовать выполнению Церковью своей миссии спасения человека).
- Сегодня у многих православных народов существуют системы двух и более языковых кодов, в которых древние языки выполняют функции богослужебных, например, в Элладской Церкви – койне, в Армении древний «грабар», в Грузии – древний «дзевикартули»

являются языком богослужений; у сербов, черногорцев и болгар – церковнославянский, а их попытки ввести национальные языки просто не дают никакого результата. Церковнославянский язык – это тысячелетнее выражение богослужебной практики нашей Украинской Православной Церкви, а не средство «омоскаления» народа.

Перевод с церковнославянского на украинский практически невозможен из-за неразрешимости филологических проблем, а дилетантские попытки обойти эти проблемы ведут к святотатству и пародированию богословской терминологии; ...

Но корень проблемы не в возможности, а в целесообразности. Несмотря на все спекуляции на предмет несоответствия современного варианта церковнославянского кирилло-мефодиевскому оригиналу, несмотря на все обвинения в воздействии или даже засилье русизмов, главное другое: именно этот язык уже тысячу лет – в нашем измерении в УПЦ – и в целом ряде славянских православных церквей определяет и выражает собой благодатное пространство Церкви.

Именно поэтому нет никакого смысла, никакой целесообразности менять в богослужении Церкви церковнославянский язык на современный – такая замена не будет способствовать выполнению Церковью своей миссии спасения человека ... А менять его как семиотическую словесную оболочку безотносительно к вере и духовности ... Церковь не может – потери будут катастрофические, а пользы никакой.

Богослужение на церковнославянском языке – это выражение тысячелетнего духовного пути нашей Церкви, и перевод в Богослужении может быть допущен там, где это продиктовано взятой из этого духовного пути пастырской целесообразностью, а не обновленческими аргументами.

(Публикуется в сокращении)